Психолог для некроманта

Автор:
Дарья Вознесенская

Психолог для некроманта

Дарья Вознесенская

Думаете, вершина карьеры для психолога – частная практика и докторская степень? Я тоже так думала – до того, как попала в другой мир. И теперь вынуждена работать в Королевском криминальном агентстве психологом для неуравновешенных боевых магов, выгоревших целителей и равнодушных к смерти некромантов. Думаете, на этом мои несчастья закончились? Я тоже так думала до встречи с ужасным и неповторимым – в том смысле, что лучше не повторять – Мираклием дин Риорданом. И теперь ищу вместе с ним маньяка, держащего в страхе наш город… Хотя единственный, кто здесь маньяк – это он!

Дарья Вознесенская

Психолог для некроманта

Психологи тоже плачут

– “Тебе понравится”, говорили они. “Мы только тебя и ждали”, утверждали они, – раздраженно цедила сквозь зубы, пробираясь по холодному и мокрому каменному туннелю, – “Только представь, какой простор для твоего профессионального роста”, завлекали они… Безднова сила, Сабина! Природа обошлась с черепахой лучше, чем ты с собой, когда согласилась на эту работу!

Я в сердцах топнула ногой. Грязные брызги разлетелись во все стороны и украсили и без того заляпанные стены, а моя чудесная лаковая туфелька окончательно промокла.

Это стало последней каплей… Каплями.

И уже через несколько секунд новому миру была явлена картина “Психологи тоже плачут”.

Ну вот как так, а?

За что это со мной?

Я же была хорошей девочкой, которой Дед Мороз на Новый год носил подарки. Отличница, спортсменка, красавица. На бюджет поступила, папу с мамой любила, людям помогать мечтала…

Вот что я здесь делаю, а? В этом вонючем, сыром туннеле, в котором что-то видно только благодаря светящемуся мху? Надеюсь, не радиоактивному.

И пускай в этом мире излучение только магическое – меня от него явно подташнивало.

– Что делаю, что делаю, – снова передразнила, теперь уже сама себя. – Свидетеля ищу.

Минутка слабости была закончена и я, вздохнув, поплотнее запахнула пиджк, и решительно двинулась дальше.

Дальше было то темнее, то мокрее, то страшнее.

Подземелья и система нижних ходов столицы королевства Шаардан были намного древнее города. В центральную часть даже экскурсии водили: рассказывали о прошлом, былых сражениях, показывали здания, ушедшие под землю. Я была на одной из таких экскурсий, но мне тогда даже в голову не пришло, что придется спускаться сюда одной, да еще и отходить от проторенных маршрутов.

И все из-за парочки идиотов, которые напугали своими разговорами русала…

Артефакт на запястье мигнул, когда я мысленно уже заканчивала обвинительный рапорт на имя главы Королевского криминального агентства, и я едва не захлопала в ладоши. В этом мире несуществующих мобильников и Интернета найти кого-то, с точки зрения современного человека, было почти невозможно. И если бы не новейшие изобретения артефакторов, шансы доказать, что я тоже чего-то стою на новой работе, стремились к нулю…

Русал сидел там, где ему и полагается.

У воды.

Водой в данном месте служила зловонная лужа. Может быть поэтому русал был удручен.

– Нашла меня, – сказал он без всякого интереса, и чуть повертел на запястье браслет, который ему нацепили в агентстве.

– Ага, – сказала тоже совершенно спокойно, будто предыдущие пару часов не таскалась по темным лазам, а ждала его за столиком в ресторации, – Можно присесть?

Худенький паренек только рукой махнул. Вроде какая уже разница.

Я взгромоздилась рядом и тоже уставилась на мутную жижу.

– Там переполох поднялся, с твоим побегом-то, – сообщила после некоторого молчания. Просто констатируя факт.

– И что?

Сайм задал вопрос без всякой агрессии. Устало.

– И ничего, – я вполне естественно пожала плечами, – Посуматошничают и успокоятся. Заставить-то тебя давать показания не могут.

– Вот именно, – буркнул парень, – Тогда что ты здесь делаешь? Уговаривать пришла? Такой хитрый способ: все те идиоты – плохие, а ты одна хорошая и тебе стоит довериться?

– Ну, во-первых, не такие уж они и идиоты. Иначе не вышли бы на “заточенные кепи”. А, во-вторых, уговаривать тебя я не намерена – это бесполезно. Все равно все будет так, как ты решишь.

– Так зачем приперлась?

– Хочу тебе помочь.

– Это чем же? – прозвучало совсем резко и зло. Но я к этому была готова.

– Да хотя бы тем, что выслушаю. И помогу разобраться, что ты действительно хочешь. Помогу понять…

– Да чем поможешь ты, переселенка! – взорвался русал и отпрянул от меня, сощурив глаза, – Что ты вообще понимаешь в моей жизни, а? Как собралась судить о том, что ты сама никогда не чувствовала на своей чешуе?!

– Ну почему же не чувствовала? – я тоже немного повысила голос. – Или ты всерьез думаешь, что единственный, кто оказался без родных и близких непонятно где? Что только у тебя проблемы? Только тебе надо принять решение, чью сторону выбрать? Или только ты настолько растерян, что проще спрятаться, нежели попытаться исправить ситуацию?!

Мы уставились друг на друга… и Сайм чуть сдулся.

Перевел взгляд на лужу и буркнул:

– Расскажешь?

Я потерла озябшие плечи и хмыкнула про себя.

Рассказать, как я докатилась до жизни такой?

А почему бы и нет.

Как я докатилась до жизни такой. В прямом смысле

Около года назад

– …и, представляешь, он мне такой заявляет – тебе что, штамп в паспорте важнее любви? Козел! Вот скажи, Сабина, как его заставить, а? У вас же есть приемчики в психологии, чтобы мужик сам в ЗАГС потащил, да еще и с полной уверенностью, что это он придумал?!

Три пары глаз моих уставились на меня выжидательно.

В полной уверенности, что я сейчас эти самые приемчики выдам пулеметной очередью, и уже завтра мы все будем гулять на свадьбе.

Вот как им объяснить, что работа психолога это не про то, чтобы заставить мужика жениться?

Никак.

Мои приятельницы все равно будут уверены, что я могу обучить, по меньшей мере, гипнозу или по щелчку пальцев изменить их жизнь, как золотая рыбка.

А мне все чаще вспоминался анекдот про доктора, которая предпочитала, чтобы бабки у подъезда называли её проституткой, лишь бы не прознали, что она терапевт.

Я криво улыбнулась, допила чай и, пробормотав, что подумаю, что можно сделать в такой “сложной” ситуации, ретировалась из теплой кафешки.

На трассе они меня не догонят.

Настроение улучшилось с первым же спуском.

Я обожала горы и снег. И лыжи. Нигде не чувствовала себя столь свободной и живой, нигде не расслаблялась так, как на склоне. Неделя физическая активности на пределе, свежего воздуха, заснеженных пиков и улыбающихся загорелых лиц – и я полностью перезагружалась. И снова была готова к бою.

Вот только нынешнюю поездку сильно омрачало постоянно ожидание в глазах моих приятельниц да воспоминания о последнем разговоре с моим, наверное, уже бывшим научным руководителем.

«Вы же понимаете, Сабина Дмитриевна, что так просто вам никто ничего не даст. На кафедре вы не остались, решив предать науку ради легкого заработка, а теперь желаете, чтобы вашу диссертацию взяли на рассмотрение комиссией без проволочек и вопросов…»

И лицо ведь такое у него удовлетворенное было при этом разговоре, как будто он уже заранее решил – будет теперь Сабина Дмитриевна пороги обивать и молить униженно о снисхождении.

А “предавшая науку” я вместо этого заработала еще немного “легких” денег в частном центре и спонтанно отправилась в горы – кататься и думать, насколько мне вообще всё это надо.

Посыпавшийся с неба мелкий снежок моментально налип на маску и сделал выражение “дышать снегом” совсем не иносказательным. Я доехала на подъемнике до черной трассы и с криком: “Ю-ху!” ринулась вниз, закладывая резкие повороты, и радуясь, что на этой высоте совсем мало людей.

Да ни одного, фактически.

Ветер дул в лицо, видимость падала, а белая бесконечность под лыжами как-то странно распространилась во все стороны и даже наползла на небо. На несколько мгновений я потеряла ориентацию и, почувствовав укол испуга, остановилась, чтобы отдышаться.

Вокруг уже мело.

Спокойно, Сабина, раз у гор есть верх, значит, обязательно, есть и низ. Ты туда при любом раскладе попадешь – вопрос лишь времени. И там тебя ждет горячий глинтвейн у камина и теплая кровать…

Уже осторожнее я направила лыжи вниз, постоянно ловя себя на ощущении полной потери ориентации – мозг никак не мог обработать то молоко, в котором я оказалась.

Спуск продолжался долго… как-то слишком долго. Но, как и предполагалось, в какой-то момент стал более пологим. А потом впереди обозначились углы строения.

Вот и славненько.

Пусть и не похоже на горные кафе, но какая разница?

Я “припарковалась” возле входа, отмечая, что, похоже, метель и туман сдают позиции – вот уже стали проглядывать мощные стволы деревьев, какие-то темные полосы впереди – и отстегнула лыжи.

А потом сняла защитные очки и потянула на себя дверь…

Увиденное мне не понравилось.

Вообще.

Не то что внутри обнаружилось что-то отвратительное или страшное, но… То, что там было, не должно было быть.

С этой мыслью я закрыла дверь. И открыла её снова, убеждаясь, что у меня – вроде бы – нет никаких зрительных галлюцинаций.

В просторном и пустом бревенчатом домике, состоящем из одной комнаты, стоял массивный необработанный деревянный стол с тремя стульями разного размера, а перед ними – три тарелки. Тоже разные. Более того, в дальней части домика было три кровати. Большая, средняя и маленькая.

Сглотнула.

По жизни Машенькой я себя не чувствовала. И даже до Златовласки не дотягивала. Но и предположить, что кто-то расположил посреди склона странный музей на известный сказочный сюжет, было сложно.

Так какого фена здесь происходит?!!

Наверняка всему этому есть разумное объяснение…

А может и нет. Ни разумного, ни неразумного.

Я отошла от двери и огляделась.

Возникло ощущение, что пока я изучала внутреннее наполнение дома, на улице зима сменилась на весну.

Деревья – вполне знакомые на вид – выступили во всей красе, снег на черной земле лежал уже проплешинами, мои горнолыжные ботинки увязали во влажной грязи, а склон, с которого я только что спускалась, выглядел теперь заросшим лесом, так что и вершины не видать.

Может я вошла в состояние слабого транса и теперь фантазирую наяву? Упасть и удариться головой точно не могла – не на таком склоне и не в горнолыжном шлеме. Который, кстати, хочется снять. Как и все остальное: становилось жарко.

Я медленно подышала по счету, закрыв глаза, а потом вслух и отчетливо проговорила все, что я сейчас вижу.

Сняла перчатки, зачерпнула землю, понюхала её… На руки посмотрела – во сне они часто деформируются.

Вспомнила события, предшествующие всему этому безумию – это почти невозможно, если ты спишь или под гипнозом.

Снова подышала…

От попыток осознать, насколько реально происходящее, меня отвлек шорох и сопение.

Я медленно повернулась и уставилась на трех медведей – большого, поменьше и маленького – которые вышли из-за деревьев на двух ногах.

Медведи уставились на меня.

Мозг услужливо подсунул мне два варианта развития событий.

Это все-таки сон, и я сейчас достаточно испугаюсь, чтобы проснуться. Где-то на склоне, замерзающая в сугробе.

Или это реальность. И я сейчас достаточно испугаюсь, чтобы попытаться убежать. Хотя от медведей не бегают… Кажется. Ну, точно не в горнолыжных ботинках.

Большой мишка сделал шаг в мою сторону, я инстинктивно взвизгнула, отшатнулась, ударилась о край открытой двери, не удержалась и всем своим бело-красным костюмом осела в весеннюю грязь.

– Аааа-а! – раздалось от мелкого медведя.

– Вот и чего так вопить? – пробормотала и потеряла сознание.

Златовласка и три медведя

– Ты зачем так орал? – раздался у меня над ухом строгий голос.

– А чего оно? – обиженный и детский. – Извивается, яйцо на голову нацепило… страшно ведь!

– Во-первых, не оно, а она. Во-вторых, с яйцом-то мне более менее понятно, он на шлем старинный воинский похож… А вот почему у нее на ногах пыточные сапоги я тоже не пойму. Хотя они вроде и не железные… Но эти удивительные замки… – еще один взрослый и довольно добродушный.

Сознание вернулось вместе с ощущением, что голову мне сейчас оторвут, вместе с “яйцом”. И пониманием, что обсуждают меня, родимую.

Причем странно так обсуждают… смысл слов мне, вроде бы, понятен, но как-то не вяжется он в единое целое.

Я осторожно открыла глаза и уставилась на трех мужчин, которые склонились надо мной. Точнее, двух мужчин и одного мальчика лет восьми.

Что ж, радует, что я не настолько сумасшедшая, чтобы вообразить разговаривающих медведей.

А то, что мне привиделось до обморока… Привиделось, короче.

– Здрасте… – сказала неуверенно. И сняла таки шлем и подшлемник с головы, пока мне ничего не оторвали.

– Ведьма, – восхищенно протянул “добродушный” и улыбнулся.

– Ведьма? – нахмурился ребенок и отступил, – Точно не фея?

– Да нет у нее никакой магии, не чувствуете что ли? – буркнул “строгий” и нахмурился. – Ты кто такая? И что за жуткие на тебе одеяния?

И снова смысл слов начал от меня уплывать.

Но ведь всему можно найти объяснение, да?

Конечно, странно, что живущие возле горнолыжных склонов обитатели не видели экипировки для катания, но, может, я заехала нечаянно на другой склон…

Более южный.

Где прижились староверы. Необычные такие староверы – эзотерики.

В избушке прижились.

И если я не буду делать резких движений и оскорблять их верования, они меня проводят к нормальным русским людям…

– Аа-а!

Теперь это прозвучало от меня.

Тоненько и жалко.

От осознания, что к “русским” меня проводить сложно будет. Поскольку разговаривали мы не на русском. “Мы” разговаривали. В том числе я, у которой за плечами только базовый английский и вполне литературный родной… Нелитературный тоже.

– Я не фея. Не ведьма, – прошептала хрипло, забиваясь в угол самой большой кровати, на которую меня положили, – Я Сабина. Из России. И я… не понимаю, как сюда попала.

– А где ты была раньше, до того как возле нашего охотничьего домика оказалась? – продолжил хмуриться самый большой мужик.

– Н-на лыжах каталась… В Сочи…

– А на лыжах катаются? – удивленно переспросил мальчик.

– Рос-сия? Со-чи? Странные названия, – задумался большой.

– Боевики опять с порталами экспериментируют, – уверенно кивнул третий, – Надо рапорт на них подать – а то куда ни сунься, неизвестно откуда высунешься.

И снова куча непонятных мне слов, о значении которых можно было догадаться, но пока не хотелось. Один только факт, что разговариваем мы не понять на каком диалекте – и при этом я не сплю – уже готов был взорвать мою картину мира.

Но прятаться от происходящего глупо.

Тем более, что мужики хоть и странные, но убить и сожрать не пытаются. У кого, как не у них спрашивать?

– И где я сейчас?

– В королевстве Шаардан, – охотно пояснил добродушный. – Ну что, далеко это от твоей глубинки? От “Со-чи”?

– Полагаю, очень далеко, – прошептала. – А вы…

– Братья Гримм, – продолжил делиться сведениями добродушный, – Но ты не думай, мы не злые, несмотря на нашу фамилию. Просто сама понимаешь, у оборотней других не бывает.

При чем здесь фамилия?! Или земные сказочники?! Ах да, где-то я читала, что “гримм” означает “озлобление”. Или они не про то?!

– Оборотни? – уточнила осторожно, – У вас такая… секта?

– Совсем издалека, что ли? – возмутился мальчишка, – Мы в медведей превращаемся!

– Ликомания* или биполярное расстройство? – удивилась настолько, что произнесла предполагаемый диагноз вслух.

– Чего она обзывается?!! – еще больше возмутился мальчишка. – Сейчас я покажу, какое у меня… расстройство!

И показал. Да.

Обморок, ты бы не мог снова меня навестить?

*Примечание. Клини?ческая ликантро?пия, или ликома?ния, – психическое состояние, при котором больному кажется, что он превратился или может превращаться в волка.

Катится колобок, катится…

В гостях у братьев Гримм… то есть у трех медведей… а, ладно, как ни назови – звучать лучше не будет – в общем, в охотничьем домике на окраине одного из крупнейших королевств нового мира я провела около двух недель.

Это они видели мою истерику.

Все стадии принятия – от отрицания до депрессии.

Это на них обрушился град вопросов, и именно им приходилось успокаивать меня, когда я просыпалась от кошмаров – в надежде, что кошмаром окажется как раз это место.

И они же убедили, еще в первые дни, что мне следует именно принять новую реальность, а не искать способы сбежать из нее.

– Это невозможно, – спокойно раз за разом объяснял Гаюс, старший из братьев – самый серьезный и спокойный, – Чтобы попасть из одной точки в другую, необходимо знать координаты той, второй точки. А что у тебя за мир, и где он находится во времени и пространстве никто не сможет рассчитать. Как и по любому другому миру. Один шанс на миллион, что тебя не разорвет на клочки – ты готова так рисковать? Мы перемещаемся только внутри своего мира и даже континента, и то стараемся не злоупотреблять: дырявить мироздание себе дороже. И порталы создают и используют, в основном, боевики – ну так это единственные маги, которые плюют на неписаные законы мироздания… Уверен, что переселенцы как раз из-за их множественных дыр и случаются, всё ведь имеет свои причины и последствия. Потому рапорт я все-таки подам.

– Ты так хорошо в этом разбираешься? – спросила я в какой-то момент, когда, наконец, готова была слышать.

– Конечно. Мы же ученые.

– Оборотни-ученые? – прозвучало с сомнением.

– А чему ты так удивляешься? – в свою очередь удивился Каэль, средний “медведь”, – Оборотни ближе всех к природе, кому как не нам быть учеными?

Как им сказать… Не описывать же, каким образом на Земле представляют оборотней – вдруг обидятся?

Так что мне пришлось в очередной раз пересмотреть свои представления.

Старшие обсуждали со мной, в основном, устройство мира – и чуть более осторожно магические энергии. Осторожно потому, что само их наличие было сложно принять и понять. А Джоджо, самый младший, после того, как мы “помирились” – я не сразу смогла забыть тот первый оборот, зрелище так себе – взялся за мое обучение в бытовых областях, пока Гаюс и Каэль проводили время на охоте.

Что бы там ни говорили они про ученость, их взрослая звериная тяга к сырому бегающему мясу оставалась велика. Именно потому всем оборотням-хищникам здесь предоставлялся “отпуск по уходу за внутренним зверем”. И Гриммы, которые оказались, как я поняла, довольно обеспеченными, уезжали в собственные охотничьи угодья в глубинке.

Джоджо учил меня пользоваться допотопной печью и готовить простые блюда – в человеческом облике оборотни питались совершенно нормально – показывал, как действуют простейшие бытовые артефакты, зубные палочки и пенящиеся в мыло камни, рассказывал о всяких корешках, травах и ягодах, которые произрастали вокруг, и даже вместе со мной смастерил широкую скамью, на которой теперь спал Каэль, отдав мне собственную кровать.

А я иногда с ужасом думала, что, не попадись они мне вместе со своим домиком и доброжелательно-жалостливым отношением – прям чувствовала, что меня

удочерили, и нет, это ничуть не задевало мое женское “я” – я бы просто умерла в этом лесу.

Так что все не так уж плохо было…

– Все могло быть хуже, Сабина, – уговаривала саму себя, мучаясь порой от бессонницы, – А так у тебя есть местный язык, представления о действительности и даже обещание замечательных оборотней помочь устроиться в столице. От этого и отталкивайся.

А что еще было делать?

Бывают такие ситуации, когда совершенно бесполезно рассуждать в сослагательном наклонении. Да, было бы здорово, если бы я осталась в своем собственном мире и жила так, как выбрала для себя еще давно… Но сейчас пришло время выбирать снова.

Каждый день.

Потому что нет у человека одной и навсегда установленной судьбы. Каждый день судьбу мы выбираем сами – не один путь «от и до» прописан, а каждый день перед нами открывается множество вариантов.

Ну и что, что моя открытая дверь на этот раз оказалась волшебной?

Я же говорила клиентам, что самые большие перемены в жизни несут самые большие возможности.

Вот.

Пользуйся, Сабина…

И все равно сердце заколотилось, как сумасшедшее, когда мы вышли одним утром, и Гриммы заперли дом. Нам предстояло преодолеть довольно большое расстояние до ближайшего городка.

По лесу.

Без дорог и троп.

Братья – мишками, а я – верхом. Опять в своей экипировке – только ботинки и лыжи оставила в избушке.

И пусть смотрелось это странновато, но горнолыжный комбинезон и шлем оказались совершенно оправданы в этой ситуации: Гриммов то шкура защитить от веток и травы, а мне надо было позаботиться о своей сохранности.

Я надела на спину свой маленький спортивный рюкзачок с остатками моего мира – мобильником, кошельком с бесполезными карточками и деньгами, ключами и солнцезащитной косметикой – и подошла к обратившемуся Гаюсу, на которого Каэль уже нацепил что-то типа упряжи и одеяла, чтобы мне было на чем сидеть и за что держаться.

Гаюс строго посмотрел на меня взглядом типа “только попробуй кому-то потом рассказать, что ты на мне каталась”.

Я только кивнула, взгромоздилась сверху, дождалась, когда Каэль меня привяжет и закрыла глаза.

А могло бы и разорвать

– Есть выпить? – прохрипела, падая на лавку.

“Яйцо” рядом положила. Мое.

И выжидательно уставилась на хозяина.

Да, я знаю, что я психолог.

Угу, я в курсе, что алкоголь не решает проблем.

Конечно, я читала исследования, что женский алкоголизм подступает незаметно, зато вылечиться от него сложнее всего…

Но мне надо было.

– Все так плохо? – Гаюс осторожно дотронулся до моей руки, пристраиваясь рядом.

А я дождалась, пока постоянно косящий на меня одним глазом трактирщик поставит на стол огромную кружку, сделала несколько глотков чего-то терпко-сладкого и крепкого – не знаю, что я заказала, но не выплюнула же, и только потом широко улыбнулась мужчине.

– Теперь все замечательно.

В любом случае лучше, чем больше суток по лесу верхом на мишке. При том, что я даже на лошади никогда не скакала.

Лучше, чем оскалившиеся единороги, дерущиеся на опушке за тушки каких-то сусликов.

Чем гигантский воздушный пузырь, который лопнул возле нас на подходе к пряничному городу, и оттуда высыпались блестки, пыльца и смех – натурально высыпался. На что Каэль прокомментировал: “Феи шалят”.

А если вспомнить задумчивый взгляд мужика на воротах, который сначала ощупал нас этим взглядом, записал в большую книгу, но потом, якобы невзначай, зажег на ладони что-то типа шаровой молнии, показывая, что город под охраной…

В общем, с таким ежедневным количеством новых нейронных связей ни скука, ни болезнь Альцгеймера мне не грозят.

Я подумала-подумала и сделала еще несколько глотков чудесного и непонятного напитка. В прошлой жизни – или говорить “в прошлом мире”? – я бы уже уточняла у официанта, из чего он сделан и как прикупить бутылочку. Но сейчас я рисковала получить ответ “из крови единорогов”. Обойдусь от таких

знаний.

Да и покупать что-то денег у меня не было – я и так находилась на иждивении у мишек.

Потому промолчала.

– Я заказал переход, – плюхнулся за стол Каэль и размял шею. – И взял комнаты наверху: нам не мешает отдохнуть. Портал будет только поздно вечером – оказывается, неподалеку шабаш… тьфу, бал фей и все переходы работают на износ.

– Какой портал? – я немного очнулась от медитации над напитком. И уточнила осторожно, – Тот, который разорвет меня на множество маленьких Сабин?

Джоджо заливисто расхохотался, Гаюс же вздохнул:

– Мы старались как можно дольше в лесу остаться, пока ты привыкала, потому обычное путешествие на карете уже невозможно – опаздываем. Так что придется воспользоваться порталом…

– Который дырявит мироздание? – не унималась я. То, что Гриммы поменяли свои планы ради меня очень трогало, но может быть зря? Лезть в сияющие арки или что там собой представляли порталы, мне не очень хотелось.

– Многократно проверенные и созданные по пространственным векторам не дырявят, – “успокоил” меня Каэль, – Даже мы ими пользуемся иногда. Тебе нечего бояться…

– Угу, кроме того, что меня разберут в одном месте и соберут в другом, – вспомнила, что мне рассказывали о принципах действия портала. И на всякий случай отставила кружку – вдруг алкоголь влияет? – А если я опять куда-то попаду?

– Конечно попадешь! В столицу, – радостно закивал Джоджо.

Меня уверили, что все будет хорошо. Никого не расчленяют в процессе…вот раньше да, было дело. Но за последние сто лет – ни единого случая.

Мы прогулялись по опрятному и симпатичному городку с разноцветными домами и полным отсутствием – ну или мне так показалось – изделий технического прогресса. Прикупили парочку более подходящих для этого мира нарядов.

Повалялись и поспали на удобных кроватях – в отдельных, наконец, комнатах. Не то чтобы мне было дискомфортно в лесу с медведями…но общежитие явно не та история, в которую ты хочешь вернуться в свои двадцать девять. Да и мужчинами они были все-таки больше, чем медведями, и пусть не приставали, но посматривали – старшие – порой заинтересованно.

В общем, к порталу, который представлял собой что-то типа большого закрывающегося шкафа, в который надо было входить по-одному, я подходила уже более уверенно и воодушевленно. Как-будто для меня это было обычным делом. Вот так перемещаться.

В конце-концов, у меня уникальный опыт перемещения между мирами – что мне межгородской?

Двое мужчин в кособоких камзолах, который обслуживали эту конструкцию, вежливо распахнули для меня дверцы, я помахала мишкам и решительно шагнула внутрь.

Зажмурилась, потому от наступившей полной темноты… потом от нестерпимого света… а потом едва не выплюнула свой желудок, потому что, как мне показалось, тело и мозг сделали кульбит, достойный самых крутых американских горок.

И все затихло.

Кроме моего сердца, тяжело стучащего где-то в горле.

Я замерла в ожидании – переход, по обещаниям, должен был длиться несколько секунд – но ничего не происходило. Никто не торопился меня вынимать отсюда.

Минуту.

Две.

Отсчитав еще секунд сто, я слепо пошарила вокруг себя, и толкнула ту часть “шкафа”, которая легче поддавалась… Это и правда оказалась дверь. Открывшаяся медленно и со скрипом.

Вполне возможно – в столицу.

Точнее, на столичное кладбище…

Я осторожно выбралась и осмотрелась.

Ночь. Кладбище. Фонарь.

От аптеки я бы тоже не отказалась – успокоительное прикупить. Потому что ни мишек, ни радостно встречающих меня жителей я не обнаружила. Только белеющие в темноте надгробия, кривобокие деревья без листьев и склеп позади меня, откуда я и вышла.

И тут же зашла назад, потому что заметила, что справа к склепу приближается что-то темное и страшное.

Я замерла, стараясь не дышать.

Оно хрустнуло чем-то.

Я перебралась к стене.

Оно, похоже, решило не скрываться, пробормотало что-то, и захрустело и задышало громче, приближаясь.

Я наткнулась пальцами на какую-то прислоненную палку и плотно обхватила ее обеими руками, поднимая к плечу.

Оно появилось в проеме и шагнуло внутрь.

– А-а! – успело заорать, когда я ударила наотмашь.

– А-а! – заорала я, пытаясь перепрыгнуть через рухнувшее оно и убежать.

Но меня схватили за ногу и потянули на себя.

Жрать, наверное.

От тюрьмы и от сумы…

– А теперь объясните еще раз, что вы делали в склепе, который проходит по новому делу как место преступления, и зачем напали на главу департамента некромантов Королевского криминального агентства? – заунывно повторил – раз в третий – вопрос судья. Довольно взрослый мужчина с залысинами и крючковатым носом.

Он явно хотел спать. А не вот это вот все.

Здесь все хотели… И констебли, стоявшие в углах комнаты, и бледный секретарь, и я. Я так вообще больше всех. Может переход повлиял, может стресс, может то, что мы пару часов разбирались со мной же на кладбище, а потом доставляли меня в экипаже до слабо освещенного и довольно большого здания. Где пришлось снова и снова все повторять. Язык едва ворочался уже.

Только “потерпевший” спать не хотел.

В нем явно боролось желание прибить меня прям перед судьей или подкараулить позже. И прибить.

В таком возбужденном состоянии он вряд бы заснул.

Я в третий раз во всех подробностях объяснила свою ситуацию.

Что переселенка.

И возможно поэтому портал сработал очень странно. Не туда сработал… Хотя изначально собиралась в столицу, ага. Вместе со своими новыми друзьями.

И что переселенкам на чужих кладбищах, вообще-то, очень страшно. А если рядом с ними что-то начинает хрустеть и стонать в темноте, единственное, что им хочется – это спасаться. Любыми способами. И лопата в такой ситуации вполне удачный инструмент.

И знай я, что в чудесном королевстве Шаардан, в котором мне предстоит жить – надеюсь – есть некроманты, которые любят шуршать и стонать по ночам на кладбищах, я, конечно, повременила бы. И прежде чем ударить лопаткой по лицу, поздоровалась. И обязательно спросила, что оно… то есть он здесь делает. А так – исключительно в порядке самообороны.

И рычать на меня не надо – это я некроманту.

И наказывать тоже… Я же не знала, что глава департамента, осененный какой-то идеей, прийдет с подчиненными констеблями еще раз исследовать место преступления! И что я своим перемещением уничтожу все следы, ради которых они пришли, тоже не знала!

Случайно вышло.

И вообще, посмотрите, вполне себе живой некромант… даже следа от лопаты не видно. Магия она у вас такая, все мигом исправляет…

– Вы понимаете, что нет никаких доказательств, что именно так? – еще более устало повторил судья.

– Ну так можно же мишек найти! То есть братьев Гримм…. они подтвердят…И потом, посмотрите на мой рюкзак и его содержимое… на шлем, к нему прикрепленный… На одежду внутри.

– Феи порой так одеваются, что меня ничем не удивить, – хмыкнул мужчина и потер глаза, – А Гриммов еще найти надо, тем более, что они могут оказаться причастными ко всем этим событиям. Пока я склонен верить подозрениям Мираклия дин Риордана, что вы не просто так оказались на кладбище.

Едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Ну конечно не просто так, я же объясняла…

– … и пока в агентстве выясняют все обстоятельства, никуда я вас отпустить не могу. Раз вы не хотите ничего добавить, побудете под заключением. Проводите её в тюрьму.

Я не стала рычать или плакать.

Тюрьма – это ведь не сильно ужасно, да?

Ну посижу… полежу. Посплю. Все равно идти некуда пока – у меня всего несколько местных монет, оставшиеся после посещения галантереи.

А завтра мишек разыщут… расспросят. Может санкции отменят. Подумаешь, пришибла слегка местного мачо-копа – и не надо на меня так темными глазами сверкать, как будто ты мои мысли читаешь! – я не со зла. А за переселенство здесь хоть не поощряли, но и не наказывали.

Ну, мне так говорили.

Я встала и направилась за указывающими дорогу констеблями в боковой коридор.

А фонари тут газовые, да?

Только прежде чем меня окончательно увели, Мираклий…

… интересно, он был когда-нибудь милым ребенком? сложно представить, с таким-то имечком и статусом…

…заступил мне дорогу и прошептал что-то, выдохнув то ли черное облачко, то ли сигаретный дымок.

Сбоку, где стоял констебль послышался сдавленный вскрик. Повернуться туда сил не осталось – все эти происшествия, а может и сам переход вымотали меня так, что я уже не только в тюрьме готова была уснуть, но и лежа по направлению к ней.

Мне не до разборок очередных было.

Рукой только перед лицом помахала, отгоняя непонятную штуку – ну мало ли какие у него вирусы и бактерии, а у меня организм не приспособлен – и сказала примирительно:

– Я правда не хотела. Вредить. Ни вашему делу… ни телу. И прошу прощения… Что? Почему вы так странно смотрите?

Он и правда смотрел странно. То есть страннее, чем прежде.

Когда мы только выпутались друг из под друга, там, в склепе, при свете поднятого фонаря смотрел холодно и оценивающе.

Когда осознал, что я уничтожила все улики своим переходом и не собираюсь признавать свою вину – зло и с подозрением.

Когда понял, что судья прям на месте не собирается меня четвертовать – с явным желанием это сделать.

Но сейчас он смотрел с изумлением.

Которое как бы не вязалось с ситуацией.

Знаете, с таким выражением… Такое бывает в индийских фильмах и бразильских сериалах. Когда герой обнаруживает, что дочь, которую он искал много лет, на самом деле уже давно живёт в его доме.

– Вы же не мой потерянный брат? – попыталась пошутить. Неуместно, наверное.

Изумление брюнета стало всеобъемлющим и сменилось на глубокую задумчивость.

….хм, а он после того, как убрал треугольный кровоподтек-отпечаток от лопаты и перестал кривить презрительно губы, оказался очень привлекательным.

– В четвертую камеру её, – сказал он придвинувшимся констеблям. И на мою шутку не отреагировал. Ну и ладно, куда ему понять? Вряд ли здесь был Болливуд.

– Но в четвертой… – начал мужчина в явно форменном сюртуке с блестящими пуговицами в один ряд.

– Именно, – непонятно заявил некромант.

Их возня меня уже не интересовала.

Я реально валилась с ног.

Доползла до той самой камеры, мимолетно убедившись, что тюрьма здесь вполне чистая и сухая, и как только мне открыли решетку, взобралась на ближайшую койку и выключилась.

Сны в тюремную ночь

Не знаю, сколько я спала.

Минуту, час, два?

Но что-то меня разбудило. И явно не утром: освещение оставалось все таким же зыбким от слабых фонарей в коридоре. А я все так же хотела спать. Только вот ощущение опасности и какой-то слишком неправильный звук заставил меня

очнуться.

Я привстала со своей койки и тут же с писком вжалась в стенку, потому что на меня из темного угла смотрели… глаза.

Такие светя-ящиеся… жу-уткие…

Волна адреналина временно смыла всякую сонливость, вот только сообразить, что делать дальше я не смогла – не хватало вводных.

Орать и звать на помощь?

А вдруг оно просто… смотрит. Проснулось и боится меня… а может наоборот, хочет сожрать? Но я с одним пожирателем ошиблась уже.

Лучше не шевелиться? Чтобы не провоцировать? Ведь хороших вряд ли в камеру посадят. С другой стороны, меня же посадили…

Все эти мысли пронеслись в голове за пару секунд и их хватило, чтобы обладатель светящихся глазок мало того что смотреть не перестал, так еще и всхлипывать и тяжело дышать начал.

Нет не так… ДЫШАТЬ.

И попискивать. Как датчики у бомбы в фильме пищат.

А потом всполохи от этих глаз побежали и… длинный всхлип раздался.

Я покосилась на решетку – далеко ли – и спросила чуть нервно, чтобы отвлечь:

– Ты там чего?

– Кошмар… – откликнулось очередное «оно» моей жизни, хныкая. И заискрило еще больше.

Так, хотя бы разумное.

Может договориться сможем?

– В смысле? Мой кошмар? – я пересела аккуратно на краешек лавки, на случай, если не договоримся.

– Присни-ился…

– Ну… с каждым бывает… – сказала неуверенно.

– Только я из-за этого… взрыва-аюсь.

Взрываюсь?

Это же иносказательно?

«Оно» стало искрить еще больше, обретая, наконец, форму и контуры – вполне человекоподобные и маленькие – и освещая собой противоположную койку и стенку. И разрыдалась.

Господи, а если и правда рванет сейчас?

Куда я там добегу, от этого недофеникса…

Я действовала то ли на инстинктах, то ли на опыте, то ли на обычной бабской жалостливости. Бросилась к неизвестному-и-готовому-взорваться, рухнула перед ним на колени и сказала уверенно, четко и спокойно:

– Дышишь? Вот и дыши. Вдох-выдох. Вдох-выдох. На счет ра-аз – вдох. На счет два-а – выдох. Давай, вместе со мной дышим… Медленно, а не глубоко.

Глаза пушистого человечка сделались ещё больше и круглее, от удивления, наверное, но дышать он начал вместе со мной.

– А теперь ножки на пол поставь. И дышать не забывай. Вдох-выдох. Во-от. Чувствуй ногами пол. Прям дави на него – вот какой ты, настоящий, тяжёлый, никуда не двигающийся. И пол под тобой устойчивый, надёжный…

Кажется, я делала то, что нужно. Потому что искр поменьше сделалось, а дыхание – глубже.

– Можно тебя за руку взять? Не обожгусь?

Сам вцепился. Почему-то теперь мне казалось, что мальчик. А когда я его обняла, осознав, что все эти всполохи имели визуальный эффект, но не обжигали – вообще на руки забрался. Размером с пятилетнего ребёнка, наверное, но пушистый. И приятный на ощупь.

Получив разрешение, я стала поглаживать его по спинке и голове, и гладила, пока он окончательно не расслабился и не успокоился.

– Ты как… не взорвёшься теперь? – спросила осторожно.

– Нет, – ответил с судорожным вздохом.

– Не сочти за навязчивость… Я из переселенцев. А ты кто?

Недоуменно затих.

– Славник.

Угу. Понятно-то как стало…

– И за что тебя?

– За вот это, – вздохнул, – не контролирую я себя.

– Погоди, вместо того, чтобы обучать, тебя за это в тюрьму посадили?

– Не… в тюрьму – потому что без защитного артефакта по улицам ходил. Ну и дурак, не сказал сразу, кто и откуда…Они до выяснения обстоятельств в экранированную камеру посадили, – последнее прозвучало почти гордо.

Оказалось, что славники нередко селятся в городах, здесь работы много, поскольку работают они с проводами, по которому бежит искусственная кровь. Приятная для них и опасная для многих других…

… ток, что ли?

Вот и его родители здесь работали. Только он из дома ушёл. Достали потому что…

… подросток, видимо, не ребёнок. И про уход из дома говорит со слезами, явно жалеет. А его родители, вполне возможно, с ума сходят.

А еще у него большие проблемы с контролем. Так бывает у славников. Временно. Артефакт же, Бездна его видит, остался в комнате случайно.

– И тебя что же… Без него разорвать на клочки могло бы?! – ужаснулась я местному правосудию, оставляющему почти ребёнка наедине с такой проблемой.

– Почему на клочки? – чуть ли не обиделся, – взрыв же магический. На искорки.

– Намертво? – я никак не могла успокоиться.

– Ты совсем из диких земель, да? – а это прозвучало у маленького засранца почти жалостливо. – Славники потом снова собираются. Приятного мало, конечно… Но вот ты могла серьёзно пострадать. Странно, что ко мне вообще привели кого-то.

Еще как странно. У меня все больше вопросов к вам, господин некромант…

Я едва не заскрежетала зубами, но вовремя остановилась – ещё не известно как у них тут со стоматологами.

Славник зевнул.

Я вздохнула.

По-хорошему, мне бы потребовать перевода куда то в другое место, мало ли какой кошмар ему опять присниться?

Но вместо этого я предложила:

– Хочешь рядышком поспим? А я тебя научу, как сделать так, чтобы кошмар не повторился. Надо лишь додумать ему хорошее окончание.

Он уже пристраивался у меня под боком, бормоча что-то про радугу и Бездну.

А я снова закрыла глаза…

… чтобы проснуться второй раз уже от чужого разговора. Полагаю, что утром – во всяком случае я чувствовала себя совершенно отдохнувшей.

– Поверить не могу, Мираклий, что ты это сделал, – мужской и сердитый голос со стороны коридора заставил меня затаить дыхание и напрячься.

А вот следующая фраза – другим голосом, равнодушным – разозлиться.

– Если бы что-то случилось, мы бы уже об этом знали. Значит славник или не взорвался… или взорвался, но никак на нее не повлиял. Она невосприимчива к магии, точно говорю. Этот портал, то, что не отреагировала на “дыхание смерти”…

Чем чем он на меня там дышал?!

Я продолжила делать вид, что сплю, пока с решеткой происходила какая-то возня.

– …Возможно, это какой-то новый артефакт или способность, – некромант говорил уверенно, – А представь, что она на службе у одной из банд? Мы должны проверить все досконально!

– А представь, что она не лжет? – раздраженно перебил его второй, – Тебе не стоило проверять свои предположения столь кладбищенски. Я отправил запрос по Гриммам, но и без того знаю, что от них будут проблемы.

– Они все таки существуют? – удивился мой обидчик.

– Да, и об этом знают многие – потому что ненормальные медведи в год пишут столько рапортов и доносов по поводу действий боевиков, констеблей, фей и ведьм, защищая мироздание, что половина агентств мечтает утопить их в Бездне.

Ай да Гриммы…

– Так что тебе повезло, что все и правда в порядке.

А это было сказано уже прямо надо мной.

Дальше я не выдержала.

Открыла глаза, а потом высвободилась от все еще дрыхнущего славника, встала и уставилась на некроманта и незнакомого мужика.

– Не повезло, – прорычала. Чувствовать себя жертвой экспериментов мне не понравилось категорически. – Это – не везение. Я едва успокоила парня, когда ему приснился кошмар. Что у вас за правосудие такое?! Меня же покалечить могло или вообще убить! Только потому, что вы мне не поверили. А как же презумпция невиновности? Судья отправил меня в тюрьму чтобы разобраться, а не в качестве наказания! Я буду требовать разбирательства! Не будь я психологом, меня отсюда только на кладбище и вынесли бы может!

Но моя пламенная речь, похоже, произвела не совсем нужное впечатление.

Во всяком случае, ожидала я не такой реакции.

– Психолог? Серьезно? Еще и невосприимчивый к магии? – просиял незнакомый мужик.

– Кладбище не столь уж плохое место. Я бы вас там навещал, – равнодушно пожал плечами некромант.

– Я сейчас взорвусь, – раздалось сзади.

Психологи тоже матерятся

Наши дни

…. – и что было дальше? – поторопил русал замолчавшую меня.

Я очнулась от воспоминаний. И потерла озябшие плечи.

– Потом я успокоила славника. Что ожидаемо. И совсем неожиданно получила предложение стать штатным психологом в Шаарднаском Королевском криминальном агентстве.

– Вот так сразу?

– Ну, не сразу, – хмыкнула. – Сначала мои слова проверили, меня отпустили, затем был период обучения и адаптации…

Я не стала сообщать подробности.

О том, что частные наставники по различным предметам – от местной юриспруденции до истории развития мира – в качестве штрафа за превышение полномочий были полностью оплачены Мираклием дин Риорданом на несколько месяцев. Этого добились разгневанные мишки, пригрозив в противном случае поднять общественность и принудить уволить некроманта.

О том, что некромант потребовал моей аттестации как специалиста, в надежде не допустить появления в агентстве.

А я – его освидетельствования на вменяемость и профпригодность.

Мы оба провалились в своих чаяниях.

И начали работать в одном мрачноватом здании.

А после того как счет снова сравнялся – я во всеуслышание предположила, что добытые некромантом сведения были получены у свидетельницы весьма неоднозначным способом и потребовала внутренней проверки, а он поставил следящий артефакт на моем рабочем месте, чтобы собрать доказательства, что я не в состоянии справиться со сложными случаями – нас вызвал к себе Сеор дин Партнелл, глава агентства.

Тот самый мужчина, которого я рассматривала в камере.

– Мне надоели ваши игры, – сказал глава жестко. У Сеора была привлекательная внешность, волосы с проседью, круглые очки и всегда идеально сидящий темный костюм. Я бы даже могла влюбиться в него… но, в отличие от некоторых, была знакома с понятием субординации. К тому же дин Партнелл умел быть неприятным. И магии ему на то не нужно было, он прекрасно справлялся со своей ролью и как обычный человек, – Агентству нужен и глава департамента некромантов, и психолог. Но я не буду выбирать между двумя идиотами, которые вместо работы занимаются войной. Уволю обоих. Это понятно?

Нам стало понятно.

И с тех пор война перешла в стадию взаимных саркастических уколов и ироничных взглядов. Не более.

И даже это ребячеством… ну, с моей стороны.

Что каким бы козлом ни был мой “коллега”, я могла быть выше этого.

Но я нашла в подобном способе самовыражения возможность хоть немного спускать пар. А в сочетании со способностью Гаюса выслушивать меня и дать по настоящему мудрый совет, это стало подобием супервизии, которой в новом мире, к сожалению, не дождешься.

Да и давать спуска равнодушному к смерти – а зачастую именно потому и к жизни, и к живым существам – некроманту, для которого подобное поведение было совершенно обыденным, не хотелось.

– Так ты и правда невосприимчива к магии? – снова отвлек меня Сайм.

Надо сосредоточиться, а то я в неизвестных далях витаю, вместо того, чтобы делом заниматься.

– Ну, файерболом меня можно пристукнуть. И порталы, хоть и странно, но перемещают. И вот если кто-то применит магический удар для того, чтобы обрушить на меня стенку, это, конечно, сработает. Как и все, что более материально. Но заговоры, фейское опыление, всякие некромантские шепотки, – губы дрогнули в ехидной усмешке, – не действуют.

Мы помолчали немного.

– Ты все это рассказала, чтобы я проникся доверием, и вернулся в агентство, как на поводке, да? – буркнул русал сварливо, после некоторых размышлений, – Не думаю, что готов. Ты же слышала констеблей… меня теперь или “заточенные кепи” прирежут, или вы же сами посадите, сбросив все улики. Вот где были мои плавники, когда я решился прийти к вам?

Сайм горестно вздохнул.

– Нет, я это рассказала для того, чтобы ты понял – многое зависит от тебя. Новую жизнь можно начать даже в самых сложных обстоятельствах. В любых.

– Особенно если ты красивая девица, которую так и хочется защитить…

– Как видишь – не всем, – хмыкнула, – В любом случае, ты уже начал процесс. И спрятаться от него только с первого взгляда просто. По факту, если ты сейчас не решишься на что-то конкретное, лишь отдашь это решение на откуп другим.

– Родители учили меня плыть по течению… – проныл русал.

– То есть использовать поток жизни, а не болтаться безвольной икрой! – сказала жестко. И тут же слегка сбавила тон, – Давай мы сделаем так. Вернешься в агентство, но побудешь пока у меня…

– В Том Самом Месте?!

– Я поморщилась от его вопля.

Неужели мой… хм, назовем его кабинет, стал известен за пределами агентства?

Неожиданно.

– Да. Ты ведь знаешь, что без моего доступа туда никто не сможет зайти – даже если вся банда соберется на штурм?

– Да-а… – зачарованно протянул Сайм.

– Я дам доступ всего двум детективам, с ними и будешь беседовать. И окончательно решишь, готов ли ты давать показания в суде. Договорились?

Помялся.

Но потом кивнул.

Назад мы выбирались гораздо быстрее – дорогу-то оба уже знали.

И так же быстро сели в полицейский кэб, ждавший у входа. Повозки с лошадьми все еще чаще использовались, нежели самоходные паровые экипажи – из-за громоздкости и неповоротливости последних.

В агентстве я проводила Сайма в свою вотчину, переговорила с детективами, ведущими дело “заточенных кепи”, и сразу же, отмахнувшись от спешащего ко мне секретаря с бумагами – трудового законодательства на них нет! у меня стандартный рабочий день! – вышла на улицу.

Я уже катастрофически опаздывала на встречу с Гаюсом, даже времени заскочить домой и переодеться после подземелий не было – а на работе чистая одежда закончилась на этой неделе…

Не спрашивайте.

Потому махнула рукой ближайшему кэбу и споро начала спускаться.

– Мерзкой ночки, кучерявая, – пропел рядом холодный знакомый голос, – Куда торопишься? Тебе наконец-то повезло-о и тебя пригласили на свидание?

Вдох-выдох Сабина.

Лопат всего королевства не хватит, чтобы его пришибить.

А «кучерявая» по сравнению с предыдущими обзываловками почти комплимент.

Мираклий дин Риордан каждую неделю подбирал мне новое “прозвище” в попытках найти, что же меня зацепит, но не угадал ни разу.

И по имени ни разу не назвал…

– Мираклий, – произнесла его имя с особенным удовольствием, – а ты все-таки решил появиться на работе?

– У меня ненормированный график, – наклонил голову к плечу бледный некромант, внимательно меня изучая, – Хотя, спору нет, ночи я предпочитаю проводить по другому… На кладбище, например. Или в постели с…

– Избавь меня от подробностей, – хмыкнула и начала спускаться.

– Отчего же? Там и подробностей особых нет – единственное, что должны хорошо уметь делать и умертвия, и женщины – это лежать. Все остальное – ваши глупости и заморочки, – прилетело мне вслед.

Вдох-выдох, Сабина.

Вдох-выдох, а то разорвет как славника.

– Возможно, если бы ты не выбирал женщин, у которых только тело и есть, то изменил свое мнение. Но я понимаю – гораздо проще все скинуть на женские заморочки, чем признать, что кое-то – козел.

В глазах некроманта вспыхнула опасная тьма, но я лишь пожала плечами и села в услужливо распахнувший двери кэб.

Магия нас связала

Профориентацию в этом – уже моем – мире маги “проходили” по рождению. Энергия, которая пронизывала местное мироздание и почиталась как нечто сверхъестественное, имела разную природу. Давала разный эффект, а значит и предопределяла, где будет учиться и чем заниматься в будущем маг.

А также, во многом, какой у него будет характер.

Феи оказались с придурью. С позитивной, вроде, придурью, но… Если честно, я напрягалась от фейского присутствия больше, чем от ведьм. Рыжие и черноволосые колдуньи с их сарказмами и склонностью к траволечению и заговорам были мне как-то ближе и понятней, чем вечно улыбающиеся девы, одевающиеся как городские сумасшедшие и разбрасывающие вокруг себя блестки и благословения. Не дай Бездна попасть под такое… тут не факт, что моя антимагическая природа поможет.

Боевые маги радовали окружающих развитой мускулатурой и скоростью решений, но не слишком радовали максимализмом. У них все сплошь было черным и белым: это мы убьем, это отлюбим, а это сожрем… у нас в агентстве много таких работало. И не сказать ведь, что они недалекие… но уж слишком однозначные и однозадачные.

Некроманты вели себя как предвестники Смерти, хотя, по факту, просто умело балансировали между миром живых существ и тем запредельем, куда уходила и

магия, и души. Стояли одной ногой здесь – другой там. Хитрые, ловкие и холодные – во всех смыслах – они были мало подвержены простым человеческим эмоциям. Радостям тоже.

Целители и артефакторы пока казались наиболее “нормальными” во всей этой компании. Саму себя хочется прибить за это определение, но уж как есть… Может потому казались, что “служили” не сосудами для магии, а проводниками. Брали из мироздания рассеянные там частицы и использовали их для лечения или же для создания вещей, работающих на магической энергии.

А ведь жили здесь еще оборотни, славники, русалы, каменщики и более мелкие виды, в том числе животных… Будем честными, первое время я вообще не находила просто людей – хотя их-то и было большинство. Настолько меня захватила – и испугала – невозможность применять хоть какие-то прежние методики психологического типирования.

Ну что толку сравнивать уровень агрессивности у боевиков и целителей?

Или потребность в социальной дистанции у некромантов и фей?

Мне пришлось срочно пересматривать все те знания и опыт, который я использовала прежде, и, помимо всех других факторов, учитывать в своей работе еще и ту субстанцию, что влияла на каждого из магов…

– При-ибыли! – гаркнул кучер, а я поежилась и зевнула, снова зябко растирая плечи. Надеюсь, не заболела на этом подземном болоте.

Ресторация, которую выбрал Гаюс, была мне знакома – мы уже встречались здесь.

На окраине, но не на рабочей, а ближе к холмам, начинающимся за столицей.

Зал большими деревянными балками, уютными креслами и камином, возле которого меня и ждал медведь.

Он сначала широко улыбнулся, а затем нахмурился:

– Замерзшая, усталая и голодная, – определил, как только я подошла, и сделал знак подавальщику немедля принести горячего.

– Магия? – полюбопытствовала, поскольку не всегда все еще понимала, на основе чего выдаются мне те или иные сведения.

– Хорошее зрение, – пожал плечами Гаюс. – Моя стая осталась в Академии – у Каэля там серьезный эксперимент, а Джоджо хотел посмотреть. Но они передали тебе не шагать в Бездну.

“Психического и физического здоровья”. Здесь часто так говорили.

Как и оборотни про стаю, что меня умиляло до сих пор.

– Сложная неделя?

– И год, – хмыкнула и закрыла глаза от блаженства, когда горячая похлебка прокатилась по пищеводу. – Я не хочу ныть, мне нравится моя работа, я в восторге от некоторых случаев, у меня есть крыша над головой, друзья и цели в жизни…

– Ты кого пытаешься убедить?

– Себя, – отозвалась ворчливо, – И я не вру себе – я так и чувствую. Но… у всех бывают неудачные дни.

– Есть что-то, о чем ты хочешь поговорить?

– Нет… – и тут же спросила, противореча самой себе, – Слушай, а это правда, что некроманты предпочитают пассивных женщин в постели?

Хорошо, что он привык к моей откровенности.

Потому даже не поперхнулся чем он там пил из большой кружки.

Впрочем, если бы он поперхивался каждый раз, когда я – порой с любопытством ребенка, порой с откровенным ужасом – спрашивала у него о том, о чем не могла спросить наставников, Шаардан давно лишился бы талантливого ученого.

Нет, я не использовала Гаюса исключительно как жилетку или Интернет.

Но он стал моим близким другом. И очень важным чел… оборотнем. Настолько важным и близким, что крамольная мысль о том, что мы могли бы образовать пару, быстро затухла. Потому что в друге я нуждалась больше, чем в любовнике, а более серьезных отношений у нас не получилось бы. Оборотни привязаны к своему виду более чем кто либо и составить семейные пары могли только с такими же оборотницами.

Мужчина отставил в сторону кружку и мягко рассмеялся:

– Некромант и некрофил – не одно и то же. Но маги Смерти, особенно состоявшиеся, помешаны на контроле и, полагаю, предпочитают, чтобы их спутницы имели как можно меньше собственных желаний. Ты же не просто так меня спросила? Опять с Риорданом не в ладу?

– Это он со мной не в ладу, а я просто мимо проходила, – покачала головой. – Даже продолжать не охота… Расскажи мне лучше, как продвигается дело с экстрактом Бездны?

В То Самое Место

– Не смей! – рявкнула строго, но это не помогло.

Книга подлетела, вспыхнула и моментально осыпалась пеплом.

А это означало, что боевики, которые выпрашивали её всю предыдущую неделю, снова останутся без самого полного и редкого экземпляра “огневой магии” пока она не восстановится.

– Когда-нибудь я просто смету твой пепел в урну и закопаю в землю, – сказала громко.

Впрочем, это предназначалось исключительно для прочих обитателей книжных полок, которые весело и досадливо расшумелись, возмущенные моим потенциальным коварством. Один из самых уважаемых фолиантов едва не свалился от возмущения – хорошо не мне на голову.

Но я лишь ткнула в правила, которые мы сами же писали. Причем весьма необычным способом – книги то говорить не могли, а вот раскрываться на нужном месте – легко.

“Никто не берет Книги без разрешения и необходимости, но когда агентству нужны сведения, Книги предоставляют их по первому требованию” – зачитала вслух, – Огневичок знал,что за ним придут. И поступать так, как поступил он – пакость.

Страницы снова зашелестели, но я уже махнула разочарованно рукой и вернулась за свой стол.

– Вначале было слово, – пробормотала. И, убедившись, что ни бумага, ни самопишущее перо не заряжены магией, внесла свои записи по делу “заточенных кепи” и показаниям Сайма, а также его психологическому состоянию.

С книгами в этом мире оказалось примерно так же, как и со всем остальным.

Набекрень.

Обычные труды и романы оставались всего лишь бумагой в кожаных переплетах, а то и свитками. Но то, что было написано магом да магическим пером… Да если с записью заклинаний, формул или описанием существ…

То не вырубишь ни топором, ни бензопилой.

Слова, нанесенные магическим образом, оживляли и бумагу, и кожу, давали книге характер – зачастую вздорный или тяжелый, вы же не думаете, что в

агентстве были легкие приключенческие истории. И делали окружавшие меня тома совершенно невыносимыми.

Но уже почти родными.

На самом деле они первые признали меня и мое право на существование в Одиерпасо. Если не считать медведей. Но те в принципе готовы были приволочь в свой дом любое порождение Бездны. Обогреть, изучить, а потом выпустить в естественные условия обитания со специальным родительским контролем. Натура такая. К Бездне они также относились, хотя те же боевики мечтали уничтожить все, что взрывалось и вырывалось за границы обитаемого мира. Боевики охраняли нас от посягательств невиданных тварей, а ученые, мишки в том числе, относились к этому с тем же трепетом, как к любому порождению мироздания. Даже пытались создать какой-то эликсир, употребив который можно было то ли лучше понять Бездну, то ли стать ее частью… я до конца не уловила всю эту гомеопатию.

С прочими жителями первые месяцы были сложности.

Наставники и соседи в моем средне-благополучном районе смотрели настороженно – слухи о моем переселенстве распространились быстро.

Детективы и констебли – с долей пренебрежения и определенным раздражением. В криминальном королевском агентстве женщин было совсем немного: несколько ведьм, целительницы. Магички. А вот чтобы человечка, да в модной юбочке, да с полномочиями отстранять от расследования в случае неадекватности поведения сотрудника… К этому они не были готовы.

Мне кажется, даже Сеор не слишком-то верил в успех, приглашая меня на работу. Но в тот момент у него не оставалось выбора: предыдущий психолог просто скончался на рабочем месте… нет-нет, не подумайте ничего такого, по меркам Земли этому троллю – в прямом смысле – было за сто двадцать.

А новые, не столь уж многочисленные претенденты не слишком-то рвались работать там, где каждый мимокрокодил мог чего-нибудь шепнуть тебе случайно или неслучайно.

Так что да, я выглядела плохонькой, но находкой.

И определили меня работать в плохонький, но отдельный кабинетик.

Несколько месяцев я знакомилась с сотрудниками, перечитывала – не слишком успешно – записи моего предшественника и пыталась добиться от Сеора не просто должностных обязанностей, но того, чтобы мне перестали препятствовать эти должностные обязанности выполнять, а затем случилось событие, которое сильно повлияло и на мое местонахождение, и на отношение сотрудников агентства.

… Тем Самым местом

Тот день продолжался как обычно. Я вышагивала по дорожке из потрескавшегося камня и рассуждала сама с собой:

– Диссоциативное расстройство идентичности или это ближе биполярному расстройству? И насколько я могу поставить подобный диагноз оборотню? С одной стороны у них в теле действительно две разные личности, ну или сущности, даже момент переключения с одной на другую отслеживается… надеюсь я больше этого не увижу. Соответственно проявляется разный характер, мировоззрение, разные реакции на одно событие. Но нет главного, вроде бы, условия для диагноза – одного тела. Тела тоже ведь два… То есть, как такового раздвоения личности нет, правильно? А вот перепады настроения – есть. Которые этот Герч списывает на животное…

Такие прогулки и разговоры наедине с собой стали частью моей повседневной рутины. С коллегами-психологами ведь не пообщаешься, на форумах не посидишь, информации в книгах – единорог наплакал. Оставалось пользоваться залежами в собственной памяти и уподобляться своим клиентам, разговаривая на разные голоса и споря с самой собой. А поскольку кабинет мой оказался слишком близок ко всем прочим, я делала это на улице. Хотелось прослыть хорошим психологом, а не полным психом.

… – Да, это нормально не осознавать, что у него проблема. И считать, что полярные нарушения настроения: то депрессия, то мания, то грустно, то весело

– из-за беспокойства внутреннего зверя. Но, во-первых, за другими оборотнями я такого не замечала. Во-вторых, эмоциональная нестабильность уже влияет на его жизнь и на работу. Значит, я должна помочь. Но кого лечить? Человека или зверя? Если обоих – то с кого начать? И как я его смогу понять, когда он сделается мохнатый… ай!

Я резко дернулась и посмотрела вниз, чтобы понять – что не так?

Да всё…

Каким-то образом я застряла то ли в корне, то ли в ветке, которая теперь петлей обхватывала мою лодыжку.

Я осторожно вытащила ногу… не вытащила.

Наклонилась выпутать… и тут же вскрикнула снова, потому что ветка дернулась и дернула мою ногу. Потащила, фактически, медленно!

Здесь что, волшебные лес?! Стоп-стоп, я свою дверь в Нарнию уже проходила, можно не нужно больше? К тому же, если бы здесь были какие живые растения, мишки мне бы об этом сообщили.

Может шутники магию какую применяют?

Но в этой части двора, который и двором-то и не называли, было слишком много замысловатых построек и углов, чтобы сразу определить, где они прячутся.

Шаарданское криминальное агентство представляло собой странное место. Я не знала, кому здание принадлежало раньше – агентство размещалось здесь лет пятнадцать – но, полагаю, им было так же странно, как и нам.

Создавалось ощущение, что архитектор, спроектировавший его, куда-то делся посреди проекта, и чертеж продолжил другой человек. А потом и третий. Ну примерно как в “Простоквашино” письмо родителям писали. А потом прораб взял этот чертеж, повертел так и эдак, не разобрался, где низ, а где верх и, махнув рукой, приступил к строительству.

Коридор здесь мог закончиться тупиком или, наоборот, неожиданно расшириться и превратиться в огромный ангар. Этажи и уровни располагались совершенно нелогично, повсюду, где не хватило на них внутренних лестниц, торчали наружные, деревянные, так что выражение “выйти в окно” обретало новый смысл. То тут, то там при своих прогулках по периметру – изломанному совершенно – я обнаруживала неожиданные развалины или мрачные уголки, про которые ходили всякие слухи… По сравнению с мрачными и строгими фасадами соседей и многочисленными зданиями заводов с чадящими трубами обитель детективов выглядела почти что творением Гауди. Но довольно бессмысленным в нашем случае.

Впрочем, я быстро приспособилась к этим странностям. Вот только живые ветви – это как-то слишком.

Докричаться до шутников не удалось, зато ногу я с усилием, но вырвала. Хотелось бы пошутить, что “с корнем”, но я не успела – по инерции пролетела назад, перевалилась за небольшой каменный приступок и совершенно неожиданно уселась на что-то довольно хрупкое, что проломилось под моей пятой точкой и с отвратительным хрустом утянуло меня вниз.

Инстинктивно я зажмурилась и закрыла лицо, проваливаясь в неизвестность… но болезненного падения, как ожидалось, не случилось.

Что-то меня снова подхватило и аккуратно уложило на поверхность.

А я огляделась.

Оказалось, что я чудом не поранилась о наклонный потолок… оранжереи?

Или библиотеки?

Или это подвалы? Я ведь ушла на уровень ниже мостовой… Хранилище? С книгами в заложниках? А теперь меня прибрали?

Я находилась в довольно большом помещении, в которых стояло множество книжных стеллажей, обвитых растениями, многие из которых были с цветами.

И ветвями.

И лианами, наподобие той, что меня захватила…

Медленно поднялась именно с такой, осмотрела себя, убеждаясь, что не поранилась и тихонько позвала:

– Эй! Есть кто-нибудь?

Тишина.

Даже веточки, которые прежде, как мне казалось, изображали из себя маньяков, не шевелились.

А потом я услышала плач.

На человеческий плач это было не слишком похоже.

Скорее на присвист ветра в щелях здания, скрипучие стоны старой мебели, заунывную трель дудочки.

Немножко плакало пространство.

– Ничему тебя тюрьма не учит, – пробормотала я и двинулась на эти звуки.

Между неподвижными стеллажами было темно, но, что мне сразу показалось странным, не грязно и не пыльно – хотя помещение явно не использовалось. Более того, я о нем не слышала. И хотя, по ощущениям, “географически” оно находилось где-то под-среди-возле здания агентства, я вполне допускала, что провалилась вообще в другое место.

Может и через портал.

“Плач” внезапно прекратился, и снова начался. Я остановилась, сделала несколько шагов назад…Тишина.

Ряды, заполненные книгами замолчали, но, стоило мне сдвинуться с места и пройти вперёд, наполнились звуками.

Я решительно нырнула между ними и едва не наступила на единственно валяющуюся на полу книжицу.

– Ох, как тебя угораздило… – подняла её с пола и невольно заглянула на раскрывшуюся страницу. И вздрогнула.

“Никому не нужна”

Что?

Буквы то расплывались, то собирались перед глазами, снова выделились в три этих слова в разных местах текста, а потом будто рассыпались.

– “Как изменять пространство и чувствовать себя Бездной”, – прочитала я название на обложке, – Однако. Тебе только в наших СМИ работать… Где же ты стояла?

Я принялась высматривать книги подобной тематики, но когда протянула руку, чтобы поставить её на полку, едва не завизжала – тоненькая и светленькая книжица прижалась ко мне трогательно и… засопела?

О том, что многие книги здесь вполне жизнеспособные и одухотворенные, а также способные на небольшие магические действия и определенное общение, я к тому моменту уже знала. Просветили Хранители в местных библиотеках. Но там они… ну не проявляли себя особо, что ли. Хотя может я просто не брала ничего на самом деле магического?

А эта проявила так, что мне аж самой чуть не поплохело.

От книги – от книги! – несло таким отчаянием, что я сразу поверила в его реальность, а не в то, что могла ударить головой и чудить.

– Хочешь… поговорим об этом? – сказала с некоторой неуверенностью фразу, с которой начинала почти каждую консультацию.

Книга трепыхнулась в моих руках.

Промычала что-то.

И снова открылась, выделяя слова.

Что не нужна, никто не любит, никто не берет и жизнь проходит зря… И что с этим делать – она не знает. Никто не знает.

В некотором замешательстве я уцепилась за последнюю фразу.

– Никто? Вас здесь много?…

Ох.

Смотрели “Птицы” Хичкока? На мгновение мне показалось, что я оказалась внутри одной из сцен. Так зашелестело и затрепыхалось рядом, когда взлетели, вскочили, упали несколько десятков книг. Если бы захотели, точно завалили бы. Но… они хотели другого.

Поговорить.

Способ общения через выделенные слова и направленные на меня эмоции мы освоили быстро.

Как выяснилось, почти сотню лет это здание принадлежало Королевскому Магическому обществу. Но из-за постоянных магических искажений и “порчи пространства” его – общество, не здание – не было решено перенести на окраину столицы, даже за его пределы. Маги-то собрались и переехали. Как и их многочисленный реквизит. А вот книги, которые обживались здесь годами, взращивали себе помощников в виде ветвей и цветов с приятным запахом – да-да, они могли и так, родственные ведь души с древесиной – да выстраивали сложную иерархию расположения на полках, не спросили.

Книги оказались против.

И сколько их не уговаривали, переезжать откались.

– Хм, – я нахмурилась в недоумении, – Ничуть не умаляя ваших способностей, но ведь маги могли вас заставить, не так ли? Обездвижить там заклинаниями, какую-нибудь сеть накинуть, увезти насильно…

“Разве ты не знаешь, что ещё королевским указом триста восемьдесят второго года от Края Мира любое насилие над магической книгой или откровенное неуважение к ней является серьезным преступлением и категорически запрещено”?

Я аж перестала наглаживать мягкую обложку лежащей у меня на коленках плакальщицы.

А то вдруг это будет расценено как харассмент?

– И что было дальше?

А дальше они забаррикадировались.

Возможностей-то ого-го сколько было, чтобы это сделать. Все знания Шаардана, фактически. А сил хоть и мало, но если сложить все вместе…

В общем, заперлись, окружили себя непроницаемым коконом и были очень горды собой.

Первые годы.

Еще больше горды, когда не поддались на уговоры переселившегося сюда криминального агентства. Вот где они, роскошные, а где эти мужланы? Ученым-то не отдались, не то что детективам.

А потом….

Молчание затянулась, и я спросила со вздохом:

Гордость куда-то подевалась, и стало грустно и одиноко?

“Да что они понимают в книгах!”

“А один, представляешь, грозился сжечь дверь!”

“Я и не думала, что могу заплесневеть, если меня никто не открывает…”

“Мы уже все друг у друга прочитали”

“Оказывается, мое предназначение – служить этому обществу, но как я могу это сделать?”

“Я вообще был против революции, но мое мнение никто не учитывал…”

Посыпалось на меня со всех сторон. И это, болезненное:

“Я никому не нужна”.

Охохонюшки. Бунт книг. И внутри, похоже, снова назревает революция.

Жизнь меня не к такому не готовила…

– А меня именно вы затащили? – попыталась вытащить из хаоса мыслей самую дельную.

“Да”

– Потому что хотите все-таки изменений?

Оказалось, что хотят. Но воссоединяться с магами – изменниками – а ничего что это они никуда не захотели уезжать, а не маги их бросили? – не собираются. Поэтому они готовы сотрудничать с агентством сотрудничать. Но аккуратно. Ведь там все психи. А я, вроде как, психолог. То есть главная по этим психам, как они поняли – ох, неверно же вы поняли, но я не стану пока переубеждать. К тому же я милая. И да, они следят за нами всеми иногда. Есть способы, хоть глаз

нет. А продолжить погибать от скуки тоже не вариант. Но и признать поражение и стать зависимыми от всяких некромантов и оборотней – как же я вас понимаю – не собираются. Поэтому…

– Поэтому? – поторопила я, когда молчание затянулось.

“Будешь нашим Хранителем?”.

Предложение прозвучало более чем торжественно.

– Вообще-то у меня есть уже работа, и она мне нравится, – сообщила аккуратно, и тут же затараторила, уловив возмущение, – К тому же, Хранитель – это тот, кто ухаживает за библиотекой, решает, кто и где будет стоять и все такое. Король библиотеки… А у вас замечательная демократия вышла, вы сами все процессы регулируете. И процесс временной выдачи себя в руки детективов или кому там вы потребуетесь сумеете самоорганизовать. Да и в зависимость попадать не надо. Если вам так претит ощущение, что вы нуждаетесь в читателях, попробуйте взглянуть на это по-другому. "Хочу-но-не-нуждаюсь".

Судя по заминке, надо было пояснить.

– В по-настоящему здоровых отношениях двое – или больше – не то что нуждаются, но нужны друг другу. Они не становятся незаменимы, а искренне хотят быть полезными и находиться рядом, но именно по собственному желанию. А не потому, что друг без друга не выживут. Согласитесь, значительно лучше работает “Я хочу, чтобы меня читали маги”, нежели “Мне нужен маг для чтения”.

Идея понравилась.

А я почти в одночасье стала председателем Клуба Анонимных Магоголиков.

И как-то быстро решились все остальные моменты.

Мой кабинет перенесли в библиотеку, которую теперь именовали не иначе как То Самое Место, а жаждущих моей консультации стало в разы больше – все они имели целью еще и книжицу прихватить, но я-то успевала сделать, что нужно.

Сюда же приволокли огромный голубой диван, который я нашла в одном из заброшенных холлов здания.

Были прописаны правила поведения книг и людей: в том числе конфиденциальность услышанных здесь разговоров.

Мой авторитет среди детективов и констеблей вырос в разы, но главное… У меня появилось то пространство, где мне было восхитительно комфортно. Одно из самых моих любимых мест в мире.

Которое сегодня должен был омрачить своим присутствием Мираклий дин Риордан. В прямом смысле омрачить. Он когда приходил, сразу привносил привкус пепла и тени. Только книги по некромантии счастливо ерзали в надежде, что их возьмет не кто-нибудь, а глава департамента. Зря. Тот никогда не интересовался сессиями или книгами. Он – по требованию Сеора- отбывал какую-то свою повинность, а я, по требованию того же, свою.

Первое время я воспринимала наши ежемесячные обязательные встречи как некое изощренное издевательство, придуманное главой, но позже решила расценивать это как индикатор адекватности.

Нас обоих.

Если я сдерживалась и не испытывала желания прибить некроманта – молодец. Хорошо над собой поработала.

Если он при этом тоже не пытался меня отправить на кладбище… Что ж. Никаких записей о его профнепригодности…

– Мерзкого дня, кучерявая. Как вчерашнее свидание?

Я медленно и с улыбкой – почти доброжелательной, здесь недавно зеркало появилось, я тренировалась – повернулась к некроманту, который застыл на пороге, облокотившись о дверной косяк.

Опять “кучерявая”?

Ах да, эта неделя же еще не закончилась.

– Разве мы здесь для того, чтобы обсуждать мою личную жизнь, Ми-рак-лий?

– А она у тебя есть? – на его лице невозможно было ничего прочесть.

– Судя по твоему интересу, это тебя и правда волнует. Все-таки хочешь поговорить об этом? Как психолог, я не могу тебе отказать.

– А как не-психолог?

Он сделал шаг ко мне, и я едва удержалась, чтобы не отшатнуться.

Странно.

Куда-то не туда повернул наш разговор.

Он будто угрожает мне своим присутствием – впрочем, это привычное ощущение – но в последнее время в нем появились еще и другие нотки. Может быть, осознав, что так просто меня не запугать, он решил надавить своим… мужским стержнем?

Тьфу, Сабина. Пусть он хоть десять раз доминант-некромант, но тебе точно не стоит рассматривать его как мужчину. Это – клиент.

– Присаживайся, – я расположилась на краешке огромного дивана, рассчитывая, что Мираклий сядет по другую сторону. Но тот зачем-то устроился ближе и уставился недобрым взглядом. – Есть что-то, что ты на самом деле готов обсудить, или мы просто обменяемся взаимными уколами, а остаток сессии помолчим, как делали и прежде?

Он странно на меня посмотрел, но потом скривил насмешливо губы и кивнул. И начал преувеличенно-пафосно:

– Конечно, хочу. Вчера мы вскрыли могилу и я не могу забыть то, что там обнаружил, – схватился некромант за грудь.

– Сердце с другой стороны, – подсказала хмуро. Кажется, кое-кто решил развлечься рассказами про черные-черные кладбища, а мне потом медитировать, чтобы суметь заснуть. – Я изучала местную анатомию.

– А анатомию некромантов ты тоже изучала? – подался он вперед, оказываясь непозволительно близко.

– По пособиям, – сказала спокойно, делая вид, что меня ничуть не волнует эта его близость. Хотя, если честно, она меня нервировала – наверное просто потому, что я не могла себе объяснить, что происходит, – И некроманты ничем не отличаются от людей, боевиков и…

Почему-то на этой фразе в глазах мужчины полыхнула откровенная злость. И эта же непонятная злость заставила его откинуться назад.

– Другие так не считают. Так и норовят найти отличия, – протянул самодовольно, намекая на обилие партнерш.

– Кстати, ты запоминай их имена, а лучше записывай где-нибудь, – парировала я спокойно, – Если тебя прибьют из ревности или осознания, какой ты на самом деле, коллеги хотя бы получат круг подозреваемых.

– Считаешь, что мое поведение в чем-то неправильно? – усмехнулся.

– Нет ничего неправильного в отношениях, если они честно устраивают обоих партнеров или множество, – пожала плечами, в который раз удивляясь, почему мы говорим об этом, – Но я полагаю, что твои… любительницы темноты всегда рассчитывают на большее. А отсюда возможны непредсказуемые последствия.

– Провести вместе одну ночь и теперь всю жизнь здороваться, что ли? – притворно удивился некромант. – Ну уж нет, всем не угодишь, так что ограничусь собой…

Да ты блин…

– Простите!

Мы оглянулись на звук колокольчика и незнакомый голос.

У входа замялся констебль, молоденький совсем. Он явно чувствовал себя неуютно.

– Я уже объяснил уважаемым… – он опасливо покосился на покачивающиеся ветви, которые, как правило, во время сессий никому не давали зайти в библиотеку, – что прерываю вас не просто так. Глава требует к нему. Срочно…

Я почувствовала облегчение.

Пусть идет… оба целее будем.

Дин Риордан поднялся, немного лениво, и двинулся в сторону двери. И тут же замер – впрочем, как и я – когда услышал робкое продолжение.

– Вас обоих, я имел в виду.

Хм.

Это что за новости?

Зачем понадобился психолог?

Что-то, что нас объединило

Интересно, как работает самовнушение "он не пялится на мой зад" в магическом мире?

Наверное, как и в не-магическом. Он либо и правда не пялится, либо никакими самовнушениями я не заставлю некроманта отвернуться.

Вот будь я магом, тогда бы да… Ослеп.

И вообще, стоило бы лучше подумать о том, зачем нас позвал Сеор, чем о том, куда смотрит некроманта, поднимаясь позади меня…

Может предложить установить хотя бы один лифт в здании? Слышала, что подобные монстры уже появились в самых крупных агентства, и даже король подумывал о такой переделке…

Тьфу, Сабина. Опять не о том. Тебе точно нужен выходной, а то никакой сосредоточенности.

Я мельком поймала наше отражение в зеркальной галерее – да-да, была у нас и такая, не знаю, зачем магам, но мы бы точно обошлись – и быстро отвернулась.

Маленькая хорошенькая и действительно кучерявая девица в трогательной блузке, аккуратно юбке и туфельках с ремешками выглядела прям идеальной жертвой двигающейся за ней вытянутой и чёрной фигурой некроманта.

Кабинет главы агентства находился как ему и положено, где-то высоко и далеко от простых смертных – хотя Сеор и сам был простым смертным. Но знал все и про всех.

Поговаривали, что он держал мудреными заклинания при себе двух суматошников, которые шпионили для него по всему зданию, но я больше склонялась к мысли, что глава был умен, а мы все не отличались какой то особенной уникальностью. Так что никаких шпионов ему не нужно было – и так прекрасно знал, что можно ждать от своих подчинённых и о чем они говорят за закрытыми дверями.

Умен, красив и очень хмур сегодня…

Он стоял у окна, облокотившись спиной о подоконник, с неизменной сигаретой в уголке рта – редкостная гадость даже в сравнении с земным табаком – и смотрел на присутствовавших в кабинете мужчин с каким то особенным неудовольствием.

Большинство из присутствовавших я знала – старшие детективы и констебли. И теперь тем более не понимала – что я здесь делаю? Может мое присутствие нужно для того, чтобы всех успокоить? Судя по их лицам, им это надо было.

Или успокоить главу, чтобы он не прибил кого-нибудь? Подумаешь, магии нет у него. Стульчик возьмет….

Против ожидания никто не бросился нам объяснять.

И если некроманту было привычно тусоваться среди молчащих существ, то я, напротив, привыкла, что при мне говорят или как-то проявляют себя. Потому чувствовала себя довольно неуютно.

– Для вас есть дело, – нарушил, наконец, тишину Сеор. – С которым прочие не справились. Даже не приблизились к тому, чтобы справиться.

Издевательский смешок некроманта прозвучал особенно неприятно и громко.

Но я же говорила, он вполне себе может питаться ненавистью, потому парочку острых взглядов в свою сторону воспринял едва ли не благосклонно.

А я… мне действительно следовала воспринимать “для вас” на свой счет?

И с чем там я могу справиться, с чем не справились прочие?

Детективы в юности я читала, конечно, но то, что убийца – дворецкий догадывалась далеко не сразу.

И речь же не о судмедэкспертизе?

Я бы предпочла продолжить копаться в мозгах в переносном смысле, а не в прямом.

– Вы хотите, чтобы я поработал с… Сартр? Нужно, чтобы расследование не завершилось так быстро?

Ого.

У дин Риордана есть понятие о субординации. В отсутствие такой толпы он обращается к главе на ты, а не на вы.

И он таки знает мою фамилию… хотя произносит ее первый раз вслух.

А вот на намек на то, что я буду помехой, меня даже не задел. Ну не успел выплеснуть человек, то есть некромант весь свой яд за время сокращенной сессии, пусть сейчас выпускает. Я психолог, моя работа и заключается в том, чтобы человек не захлебнулся своим дерь… ядом.

– Я хочу, чтобы вы поработали вместе и помогли друг другу, даже если прежде вы игнорировали эту замечательную возможность, – ядовито – тоже не до конца сцедил – сообщил глава, – Поэтому немедленно отправляйтесь на ваше любимое южное кладбище.

– Ах, место нашего знакомства, – приложил руки к груди некромант.

Им обоим бы в театре работать, а не в полиции…

Хотелось бы мне высказаться по этому поводу, но я только спросила:

– И что мы там должны делать?

– Обследовать место преступления, конечно.

– А… какого? И причем здесь психолог?

– Вот это вы мне и скажете, – Сеор оторвался от подоконника и прошелся вперед.

Кажется, впервые нас с некромантом роднило одно и то же чувство.

Полного недоумения.

Пойди туда, не знаю куда

– Думаешь наш свежий взгляд на дело или… тело окажется настолько свежим, что мы поймём то, что не поняли все прочие? – спросила с некоторым сомнением дин Риордана, когда мы сели в предоставленный агентством экипаж.

– Или на кладбище просто обнаружились жертвы маньяка, который специализируется на кучерявых психологах, – насмешливо протянул некромант.

– Или там недавно закопали некроманта, – фыркнула. И спросила с укоризной, – Я что, единственная, кто и правда готов работать вместе на пользу обществу без ругани, как попросил глава?

Мужчина открыл рот, явно намереваясь сказать какую-то гадость… И закрыл. А потом выдавил из себя вполне разумное:

– Для Сеора подобное поведение не свойственно. Думаю, случай и правда исключительных. Некромант понадобился потому, что кладбище, а психолог… Может у предполагаемого преступника явные психические нарушения и это будет сразу видно?

Кивнула

Тоже об этом подумала.

И это могло стать проблемой. Я никогда не специализировалась на профилировании, я мало что понимала в том, как сужать группу подозреваемых, и пусть имела достаточное представление о поведенческом анализе, но Бездна забери моих единорогов, если этот приспешник Тьмы прав и меня и правда привлекут к расследованию не в качестве кризисного психолога для родственников жертв или для все тех же детективов. Я вовсе не была уверена, что у меня получится…

– Почему «Сартр»?

– Что? – голос некроманта вырвал меня из тяжких раздумий.

– Переселенцы берут себе любую фамилию. Или ты принесла её из другого мира? От мужа?

– С чего вдруг такой интерес? И почему ты решил, что не моя? – насупилась.

– Она тебе не подходит. Мертвая.

Вздрогнула.

Я как-то не задумывалась никогда, насколько тонко чувствуют некроманты…

– Был такой философ у нас на Земле, – сказала нехотя, ожидая подколок. Но Мираклий меня удивил – он смотрел спокойно и будто и правда хотел узнать. – Мне нравится многое из того, о чем он говорил.

Поднятая бровь явно приглашала продолжить.

– Ну, например, он считал что любой аспект нашей душевной жизни – наш выбор. И мы в конечном итоге несем ответственность за него. Что именно наши поступки определяют нашу природу, а не наоборот.

Бровь некроманта взлетела еще выше.

– Да-да, я в курсе природы магии. Сартр не знал про это. Но знаешь… кажется для многих из вас магия стала отличным алиби, хотя, по факту, дело лишь в паршивых характерах и неверных решениях, – так и хотелось показать ему язык, но я же взрослая женщина, я могу сдерживаться. – А еще он и его коллеги много говорили о том, что общие теории бессмысленны, когда речь идет о человеке. Потому что они упускают из виду самое главное – уникальность каждого и его жизненной ситуации.

– Что-то вроде того, что стоит лечь в чужой гроб, чтобы понять, как он жил?

– Ну да, – улыбнулась даже.

– А он был не дурак, – тоже хмыкнул. И вдруг очнулся и подобрался, как кобра перед прыжком, – Это хорошо, что ты взяла такую фамилию. У некоторых диких народов принято давать слабому ребенку имя великого предка, чтобы хоть немного добавить силы или ума.

Обязательно расскажу об этом при знакомстве с Его Величеством, которого назвали в честь прадеда. И о том, кто со мной поделился столь ценными сведениями, – закатила глаза. Некромант он такой… некромант, – Но ты растешь в моих глазах, Мираклий. Сумел продержаться целых десять минут и не сказать гадости.

– Меня сейчас стошнит Тьмой, – буркнул мужчина и отвернулся.

Даже для человека без психологического образования это прозвучало бы защитой. Но я не стала акцентировать.

Тоже уставилась в окно.

Экипаж бодро поехал по широким мощеным улицам прочь от северной части столицы, где располагались заводы, рабочие районы, немало злачных кварталов – чад, дымовые трубы, крики, серые стены и костры на улицах казались мне из-за постоянного смога зыбким, но опасным миражом. И я была очень рада, что не приходилось туда наведываться часто.

Миновал небольшой кусочек роскошной жизни – главный городской парк, за которым начинались богатые кварталы. А еще дальше – королевская резиденция.

Оставил сбоку от себя огромный порт, который был не то что городом в городе, а государством в государстве.

И через простые, “спальные” районы устремился к Старым городским воротам.

Город сверху напоминал русскую букву “Ф” с непомерно раздутой правой щекой, прилипшей к узкой ленте реки. А в ее “основании” располагалась самая старая часть, самые глубокие и запутанные катакомбы – ходили слухи, что по ним можно дойти до Бездны – и самое древнее кладбище.

На которое я когда-то и переместилась порталом.

Некромант первым вылез из экипажа, когда тот остановился, чуть подумал и подал мне руку, помогая спуститься.

Его лицо показалось мне как-то особенно зловещим и бледным в этом антураже, но я отмахнулась от всякого бреда, проносящегося у меня в голове.

Но не упустила случая уточнить:

– Половина криминального агентства знает, что мы вместе поехали на кладбище, если что.

Его губы дрогнули в улыбке.

Или мне показалось?

Или нет? И тогда уже пора подавать заявку на стенд-ап клуб для некромантов…

Мы огляделись, но не увидели ни одного констебля, которых обычно ожидаешь увидеть на месте преступления.

В смысле нам не только надо пойти туда не знаю куда, но еще и…

– … найти там то, не знаю что, – пожал плечами некромант и выпустил дыхание Смерти.

Принеси то, не знаю что

– Идём.

Я несколько раз моргнула, прогоняя наваждение.

Бледный некромант с сосредоточенным взглядом, тонкие нити черноты, разрушенные склепы на заднем плане…

Эпичненько так.

– А есть куда идти? – уточнила.

– Свежую Смерть я не чувствую, – чуть скривился.

Дыхание, которое дин Риордан продемонстрировал еще при нашем знакомстве – по факту физическое проявление некромагии.

Большинство магов на него реагировали очень… Не очень. По сути, их магия, которая у всех в той или иной степени магией Жизни, воспринимала смертельную как чужеродную и агрессивную. Подавляющую. Гнусную такую.

Болезненно.

И людям было больно, вроде как укола под сердце, когда по ним проносился черный дым.

Одна только я, со своим странным встроенным нейтрализатором, могла быть спокойна. Физически меня достать легко – даже не достать, наклониться, с учетом того, что я до метра семидесяти не дотягивала.

А магией – обойдутся.

Мы и пошли, осматриваясь.

Да толку от этого было мало.

Ни трупов, ни стонов, ни опасностей. Кладбище как кладбище, даже красивое и вполне себе предназначенное для экскурсий. Были здесь и роскошные статуи, и увитые деревьями каменные потрескавшиеся стены, известные деятели прошлого.

Не нашлось главного – состава преступления. И его признаков.

– Может это новый такой способ у главы развлечься? – буркнула через какое-то время сердито. Мои лаковые туфельки – очередные – явно приходили в негодность от влажной земли, – Или вообще новый способ существования криминального агентства? Теперь всех засылают в разные места, чтобы не раскрыть преступление, а предотвратить его. Вот увидят преступники нас с тобой и как убегут..

– Ага. Особенно от тебя. Тому, кому не довелось с тобой встретиться ночью на кладбище, где ты бродишь с лопатой, очень повезло-о…

Помнит же. А столько времени прошло… Может стоило заподозрить у него психическую травму? Я не успела заподозрить, некромант вдруг замер.

– Нет, тут что-то есть…

– Так нет или есть? – спросила сварливо.

– Что-то неправильное, – он нахмурился и осмотрелся.

Мы обогнули несколько строений, симпатичный бугор, сплошь высеянный вполне жизнерадостными цветочками, и начали спускаться по пологому холму, на котором также были захоронения. Более бедные, едва ли прикрытые каменными плитами, да и то не все.

Против обыкновения дин Риордан не делал вид, что рядом никого, и рассуждал не про себя, а вслух:

– Почему глава придает этим событиям такое значение, что задействовал столько народу? Что могли обнаружить и не обнаружить детективы? И почему они вообще сюда поехали? Если не за жертвой преступления – то только лишь по сигналу сторожа, другие здесь не сработали бы. А тот обязан его дать, если увидит что-то странное. Вот на твое появление дал бы, тебе повезло, что представители агентства уже были на месте, и тебе не пришлось пару часов сидеть связанной в его домишке…

Точно травма.

… – Значит, что-то здесь происходило. Почему, дав сигнал, сторож не объяснил, что именно увидел? Где он сам вообще? И что могло произойти такого, что это вдруг нельзя увидеть?

– Что-то невидимое? – предположила.

– Например под землей… – некромант медленно кивнул и начал осматриваться, – Так вот зачем Сеор позвал меня. Он это и предположил. Могилы не разрыты и как таковых следов преступлений мы не видим, но вряд ли глава хотел перекапывать все захоронения. Считает, что у меня есть своя методика… Может и есть.

– А я тогда зачем?

– А у тебя здесь, похоже, клиент, – сказал вдруг Мираклий и показал куда-то в сторону.

Совещание

– Вчера, под утро мы получили сигнальный колокол, – Сеор обвел взглядом угрюмых собеседников и прикурил очередную сигарету. Кажется он решил уложить в голове хронологию последних суток, а заодно утрамбовать и в наши. Я не возражала, – С первого кладбища. А спустя буквально несколько минут – еще один, но уже черного звука.

Черный звук означал смертельную опасность.

– Туда отправились два констебля, вы знаете об этом. И добрались к рассвету. И никого не обнаружили, кроме невменяемого сторожа, который бормотал какую-то ерунду про Бездну. Его попытались скрутить, но он чуть ли не в зверя превратился, вырвался и убежал…

Ну да, чтобы найтись снова как раз во время нашего с Мираклием приезда.

– Выглядело все это достаточно странно, чтобы доложили напрямую мне, – Сеор улыбнулся одними губами, но было видно, что он доволен, – Этот сторож… он же под сотню лет там торчит. Видал такое, что даже если всех тварей Бездны вытошнит перед ним человеческими останками, не поморщится. Да и лопатой действует получше, чем боевые маги топорами, плюс артефакты всякие… ну не взять его так просто. Наш человек. А тут кто-то сумел на него воздействовать. Далее на место выехали несколько старших детективов. Но тоже ничего не поняли. На кладбище едут дин Риордан вместе с Сартр…

Спасибо, что не “со спутницей”.

– …И случайно обнаруживают и сторожа, уже более спокойного – но не слишком пришедшего в себя. И следы, которые, вероятнее всего, стали причиной поведения хранителя мертвых…

Случайно?! Впрочем, да, если отправлять нас непонятно ради чего, всё будет выглядеть случайным.

– Следующим поздним вечером мы находим ведьму, точнее, она находится сама. Констебли, которые принимали заявление, сразу обратили внимание, что она странно себя ведет – еще до того, как заявила, что кто-то украл её день. Может быть мы и не связали два этих дела, но её поведение в некоторых частях было схожим с поведением сторожа. А поскольку я потребовал уже даже самые малые странности доводить до моего сведения, ведьму ко мне привели быстро. Потом и Сартр появилась, и целитель. Последний выяснил совсем уж невозможное: сертифицированная ведьма в третьем поколении лишилась всех своих сил. До дна. А ведь это считалось невозможным. Полностью силы пропадали лишь со смертью магически одаренного существа…

Я поежилась. Никогда не забуду обреченный вопль ведьмы, когда она осознала это. Так кричат только те, кому незачем больше жить.

В кабинете прям сделалось мрачнее, чем было. Ну и что, что раннее утро? Никто и не ложился – я может на пару часиков среди своих книг прикорнула – и на солнышко внимание не обращал. Каждый понимал, что за этой чередой событий может стоять что-то совсем глубокое и неприятное.

– Предыдущие рапорты, не столь уж имеющие значение, я уже выслушал. Теперь пусть выскажется дин Риордан и Сартр.

Он кивнул некроманту и тот не стал заставлять себя ждать.

– Там не только сторож, мертвые испугались будто. Мы не обнаружили вмешательства в их дела, потому что те, кто это делал, тщательно убрали за собой. Если бы именно вчера не приехал, не обнаружил бы и сам ничего. Сторож, похоже, их не то что спугнул, но что-то заметил, потому и дал сигнал. А преступники заметили его – и тогда колокол издал черный звук, перед тем, как на него напали. В такой последовательности я уверен…

– Она совершенно логична, – кивнул мужчина с бородой, которого я видела в агентстве в первый раз. И форма – если это была она – мне оказалась не знакома, – Но что именно было сделано? Разорены склепы? Вынесли ценности какие? Может артефакты искали в могилах известных людей или драгоценности?

– Я тоже сначала про это подумал, но нет. Оказалось, что рыли могилы на дальнем склоне, там, где в свое время хоронили неопознанных людей и магов. Со всей бережностью, в бездновых объятиях, но без всяких ухищрений вроде красивых ящиков, дорогих плит. Опять же, странность в том, что рыли не всю могилу и не подряд, а как-будто как придется. И тут же закапывали назад. Я уже дал поручение своему департаменту разобраться с каждой из потревоженных могил, если понадобится – они там всех поднимут, чтобы понять, кого или что не хватает…

– Есть идеи, почему именно в том месте? – это уже Сеор.

– Только предположения. Там копать легче. Склон влажный, земля мягкая, да и неглубоко все лежат. К тому же, неопознанные тела – это значит отсутствие родственников. Пока не знаю, насколько это вообще может иметь значение, но все эти моменты я отметил в рапорте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/voznesenskaya_dar-ya/psiholog-dlya-nekromanta

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить